

Русская интеллигенция и Октябрьская революция. По материалам мемуаров Н.А. Энгельгардта «Эпизоды моей жизни»

В феврале 2017 года исполнилось 150 лет со дня рождения Н.А. Энгельгардта писателя, поэта, драматурга, журналиста, литературоведа, общественного деятеля, сына автора писем «Из деревни» А.Н. Энгельгардта. Родившись и большую часть жизни прожив в С.-Петербурге-Ленинграде, Н.А. Энгельгардт в силу целого ряда обстоятельств считал себя смолянином, в этом же статусе его воспринимали и окружающие. Поэтому творческое наследие этого незаурядного представителя Серебряного века для смоленского читателя представляет особый интерес. В связи с этим Смоленский областной институт развития образования разместил на своём сайте веб-проект, посвящённый жизни и творчеству нашего земляка.

Последним этапом насыщенного творческого пути Н.А. Энгельгардта стало написание воспоминаний «Эпизоды моей жизни», которые содержат богатый историко-литературный материал о провинциальной и столичной российской жизни XIX и первых десятилетий XX в. Мемуарист состоял в браке с первой женой К.Д. Бальмонта, его зятем был Н.С. Гумилёв, его первенца-сына крестил Вл.С. Соловьёв, родственные узы связывали семейство Энгельгардтов с М.Е. Салтыковым-Щедриным, судьба подарила Н.А. Энгельгардту встречи с Л.Н. Толстым, Н.А. Некрасовым, Ф.М. Достоевским, А.Н. Плещеевым, Я.П. Полонским, А.П. Чеховым, Н.И. Вавиловым, В.В. Розановым и многими другими известными личностями. Несмотря на всё это полного издания воспоминаний ещё не было осуществлено. В советскую эпоху мемуары монархиста не увидели свет по идеологическим соображениям, в годы перестройки и в «демократическую» эпоху на первый план вышли авторы-эмигранты. В наши дни назрела необходимость более взвешенных объективных и справедливых оценок прошлого, и надёжным фундаментом для формирования таковых может быть

знакомство с написанными в ² 1933-1939 гг. воспоминаниями Н.А. Энгельгардта.

Помимо прочих достоинств, воспоминания Н.А. Энгельгардта ценны ещё и тем, что расширяют представления о русской интеллигенции, её жизненных установках в революционное и послереволюционное время. Их автор, будучи приверженцем самодержавия, не изменив своим идеалам до конца жизни, движимый любовью к Родине, остался в стране, выбравшей не тот путь развития, о котором мечтали патриоты-монархисты. Мужественная жизненная позиция Энгельгардта была продиктована принципиальным выбором, сделанным, на наш взгляд, наиболее идеалистической и самоотверженной частью нашей российской интеллигенции, унаследовавшей декабристский и народнический идеалы дворян XIX в.. «Остаться, терпеть, верить в свой народ, трудиться – значило сохранить свое человеческое достоинство, завоевать себе звание гражданина народной великой республики... И это значило заплатить долг народу и очистить себя»².

В нашей статье мы остановимся на тех страницах мемуаров, где Н. А. Энгельгардт описывает совершившееся на его глазах крушение прежних государственных устоев. Не может не вызывать уважения скромная и, в то же время, предельно честная авторская позиция мемуариста (в традициях древнерусской литературы), наиболее выпукло проявившаяся в следующем признании: «Но когда мысленно начинаю следить пережитое из месяца в месяц, из года в год, целое исчезает, а сыплется калейдоскоп мелочей... Начертать грандиозную картину исторического тридцатилетия Русской Великой Революции предоставим будущему историку, а здесь я запечатлеваю только мелочи, мелочи... Но жизненные, бытовые черты могут быть ценны и для историка»³.

Пророчески в наши дни звучит последнее замечание автора «Эпизодов...». Обилие исторических тенденциозных исследований заслонило от нас не столь уж далёкое революционное прошлое, и именно встающая перед нами в бытовых мелочах жизнь современника тех событий возвращает реалистические представления о непростой странице истории нашей Родины.

Итак, старый жизненный уклад был обречён, и осознание этого пришло к Н. А. Энгельгардту ещё до революции, пропитав восприятие всего окружающего смиренно-философским минором.

«Чувство близкого конца на все накладывало отпечаток грусти. В этой старой жизни, в быте, в старых “типажах” было своеобразие и своя красота. Купцы, их приказчики, дюжие, румяные продавцы мясных и зеленных,

² *Энгельгардт Н.А.* Эпизоды моей жизни. РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Ед. хр. 345. Л. 105 об.

³ Там же. Л. 95-95 об.

духовенство, русокудрое крестьянство, чиновники, военные, помещики – ведь они, их семьи, дома, обстановка, быт, все это, что отразилось в поэзии, в романе, в драматургии XIX века доживало свои дни и должно было исчезнуть... Старая жизнь была на закате. Кто верил беззаветно в новые формы жизни, бесстрашно смотрел вперёд. Но у кого такой веры не было, а было предчувствие близкой “смены”, у того сердце прощалось с невозвратно утрачиваемым...»⁴.

Крушение прежних устоев началось ещё в 1905 г., во время первой русской революции. Пытаясь обнаружить причины её вызвавшие, Н. А. Энгельгардт отбрасывает экономический фактор.

«До самой мировой войны хлеб стоил 2-2 ½ коп. фунт. Из мелочной лавочки, в кредит на книжку целый месяц можно было получать крупу, муку, хлеб, ситник, ватрушки, картофель, леденцы, пряники, колбасу, жареную рыбу, керосин... <...> Попы, монахи, помещики, купцы лопались от жира. Крестьянство было обеспечено и благоустроено. Получив в надел треть дворянской земли, оно ещё треть приобрело по купчим при помощи банка. <...> Промышленность процветала, росла и ширилась, и городские рабочие без дела не сидели. <...> В провинции подавали нищим ковригами хлеба, кроме денег. Но нищие этого хлеба не ели сами, а продавали пудами хозяйкам, имевшим коров, которые коровам этот нищенский подаянный хлеб и скармливали»⁵.

Не было, по мнению мемуариста, и политического кризиса. Проигранная русско-японская война «не затронула ничьих материальных интересов. Куропаткин всё же вывел войска целыми и не положил оружия. Витте был в Америке принят с величайшим почётом и мир был заключён очень благоприятный. <...> Витте заключил заем. Золото наполняло кладовые Государственного Банка»⁶. Внешние враги царизма, избравшие в

⁴Там же. Л. 88 об.

⁵Там же. Л. 72 об. – 73.

⁶Там же. Л.73.

качестве орудий террор и забастовку, тоже не являлись решающим фактором его уничтожения. «Террор должен был коснуться всех от великого князя до городского, щадя царя. Так думали вызвать ужас. <...> Однако и принятая форма террора в сущности ничего не пошатнула. Убивали городского, на пост его шёл другой городской. <...> Что касается всеобщей забастовки, то это зверь из бездны, гидра, но самопожирающий. Чем дольше длится такая забастовка, тем нестерпимее становится для самих бастующих, и они не могут выдержать характера и... забастовка бастует»⁷.

В итоге умозаключений Н. А. Энгельгардт приходит к выводу, что причина революции «была в настроении умов, в гипнозе идей, в состоянии общественного мозга, <...> когда мозг фанатически захвачен отвлечёнными формами мысли, не связанными ни с чем реальным, когда люди живут фантазией, книжными идеями; преимущественно отрицательными»⁸. Снизились национализм и патриотизм русских людей, напротив на окраинах империи эти же чувства разгорелись в сознании национальных меньшинств. И, хотя их недовольство притеснениями власти, подчёркивает автор «Эпизодов», не имело под собой серьёзных оснований, активность, с которой они отстаивали свою антигосударственную позицию, постоянно возрастала.

«Повторяю, – подводит итог Н. А. Энгельгардт, – причина революции не лежала в экономических условиях, а лишь в гипнозе идей, в политических страстях и честолюбиях, в “интеграле народной зависти”, в той пустоте, которая заполнялась дутыми политическими формами, в слепой вере в чужие лозунги, в оперировании западными понятиями, не имевшими никакого содержания в русской действительности»⁹. Подобные идеалистические взгляды Н. А. Энгельгардта к тому же окрашены толстовской историософской концепцией: «Но от каких бы причин ни происходила революция <...> – это сила, проходящая в миллионах, сила роковая,

⁷ Там же. Л. 75.

⁸ Там же. Л. 73 об.

⁹ Там же. Л. 74 об.

непреодолимая...»¹⁰.

Проследив шаг за шагом события в стране, предшествовавшие роковым событиям 1917 г., автор «Эпизодов...» рисует широкое (в лучших брейгелевских традициях) полотно, иллюстрирующее брожение умов той эпохи: «На съезде фармацевтов заявляли, что oleum ricini и хинин не действуют, потому что нет в России конституции»¹¹. Эту эпическую картину населяют самые разнообразные персонажи, начиная от безрукого революционно настроенного лакея, жаждущего свободы, ибо она сделает его баринном, завершая императором и его ближайшим окружением, изображёнными в басенно-карикатурной манере: «Известно, что заяц, сидя в кустах, под колодой, в какой-либо ямке мог бы безопасно отсидеться от лающих псов, так как может давать во все стороны такие прыжки, что след его лапок затеряется. Но выдержать характера он никак не может, и непременно выскочит из своего убежища и побежит, тут его собаки настигнут. Может быть, отсиделся бы и Николай II-й в Царском Селе... но он был окружён зайцами, которые, и первый граф Сергей Юльевич Витте, характера выдержать не могли, и когда уже всеобщая забастовка пожарила и гасила сама себя, Витте с целой толпой перепуганных зайцев помчался экстренным поездом умолять государя дать России конституцию...»¹².

Как видим, будучи сторонником монархии, Н. А. Энгельгардт тем не менее весьма критически (с *славянофильских* позиций) относился к деятельности (или бездеятельности) и личности императора Николая II, как впрочем и ко всем Романовым, включая и Петра Первого, разгромившего своей дубинкой «и парламент наш, и конституцию нашу, и народную свободу и самобытность»¹³.

Хронологический ракурс изображения революционных событий

¹⁰ Там же. Л. 75-75 об.

¹¹ Там же. Л. 75 об.

¹² Там же. Л.77.

¹³ Там же, л. 79 об.

дополняется пространственным. «Революция идет по определенным прямым, так в Петербурге 1905-1907 гг., она шла по Невскому и Литейной, с Загородным и Садовой. Там стреляли из револьверов, там казаки работали плеткою, там “не жалели патронов”. А в кварталах, лежащих в углах, образуемых перекрестком этих улиц, была совершенная пустыня»¹⁴. Царило спокойствие и в провинциальном Смоленске, где вместе с семьёй наслаждался жизнью автор «Эпизодов»: «... На Казанской горе, против древних зубчатых стен и башен, окружающих город, в саду моём я слышал звон колоколов собора, монастырей, 22-х церквей приходских древнего города, карканье грачей; с лугов Днепра ветер доносил аромат скошенного сена, стрижи с визгом носились кругом колокольни, в саду моём всё цвело и ненарушимым, вековым покоем ещё полон был этот уголок...»¹⁵.

Но покой был затишьем перед бурей. Крушение самодержавия стало тяжелейшим потрясением для монархиста-патриота, видевшего залог грядущего величия России в синтезе народнической, православной и славянофильской идей.

«Я был болен и полгода не выходил из своей квартиры <...>. Я не читал газет, никого не видал, погруженный в себя и в свою безграничную скорбь. Такие переживания не передаются бумаге»¹⁶.

О том, сколь близки и дороги Н. А. Энгельгардту были его политические идеалы, говорит и вся его предреволюционная деятельность. Отстаивая традиционные устои, Н. А. Энгельгардт всё, что мог, делал для спасения строя и как журналист (своими пламенными статьями в разделах «Внутреннее обозрение» и «Современная летопись» журнала «Русский вестник»), и как общественный деятель (был одним из организаторов и лидеров монархического «Русского Собрания»¹⁷, съеденного бюрократией и

¹⁴ Там же. Л. 87 об.

¹⁵ Там же. Л. 88 об.

¹⁶ Там же. Л. 91.

¹⁷ О деятельности Н.А. Энгельгардта в «Русском собрании» см.: Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900-1917. М.: РОССПЭН, 2003. С. 258-259.

не оправдавшего возлагавшихся на него надежд)¹⁸, и как исторический беллетрист («Мне говорили, что государь, тоже большой любитель истории, с удовольствием и интересом читал “Исторический Вестник” и мои романы. Но они не сказали ему ничего, как песнь гусяра в балладе гр. А. К. Толстого, которой он предупреждал едущего на погибель князя»¹⁹).

Но монархию ничто уже не могло спасти, она пала. К выпавшим на его долю в советскую эпоху испытаниям Н. А. Энгельгардт относился философски: «Повторяю, мне революция – октябрьская революция большевиков – принесла освобождение. На вопрос, как достигнуть полной свободы духа и совершенства сверхчеловеческого, все древние мудрецы отвечали согласно: прими житие постническое прежде всего, а если хочешь быть совершенным откажись от собственности, продай имение твоё и раздай неимущим, а сам служи истине. Но в условиях прежней нашей жизни, полной пресыщения и опьянения, как трудно было нам исполнить эту заповедь мудрецов! <...> Ещё благодетельнее было освобождение от собственности. Оказалось, что она совершенно не нужна. Как раньше при всяких доходах, при обильных гонорарах нам всё казалось, что денег мало, не хватает и мы надрывались на работе, закабалляли себя в тягло работы, не соответствующей нашему призванию, так теперь мы убедились, что денег всегда хватает тому, чьи потребности доведены до аскетического minimum'a “жития постнического”»²⁰.

Н. А. Энгельгардт сохранил преданность своему народу и своей стране до самой смерти. В 1942 г. он умер в блокадном Ленинграде вместе с женой, дочерью и внучкой, разделив участь тысяч своих сограждан.

¹⁸ «После кончины от жестокого плевроита В. Л. Величко, «Русское Собрание» скоро утратило живое, общественное значение, наполнилось чиновниками с их служебными интригами и бюрократическая мертвечина быстро, как песком, затянула пробивавшийся вначале здесь ключ оригинальной мысли, и гражданского чувства и подъема». (Там же, л. 80 об.)

¹⁹ Там же. Л. 82 об.

²⁰ Там же. Л. 104 об. – 105.